

В ЛЕСНОЙ ТИШИНЕ

Приезд писателей в Тотьму был для нас точно праздник. Об их приезде мы чаще всего не знали. Однако встречали их так, как если бы знали. Особенность всех тотьмичей в том, пожалуй, и заключалась, что самым любимым их местом в летнюю пору, где чаще всего они собирались, была вечерняя пристань, к которой причаливал плывший из Вологды пароход. Сюда, к пароходу, любил приходиться и Вася Елесин. Я тоже редко когда пропускал его разворот, с каким он сблизился с берегом Тотьмы, пестревшим от множества кепок, косынок, вихрастых голов, загорелых затылков, машущих рук, платочков и шляпок. Так был встречен однажды Сергей Васильевич Викулов, самый яркий певец советской деревни.

На той же пристани встретили мы и Василия Ивановича

Белова, автора только что вышедшей книги «Знойное лето». Белов прихрамывал, и лицо его было угрюмым. Он ехал в командировку в Великий Устюг. И вот решил задержаться. Нам он сказал:

– Позднее уеду. Теперь мне надо прийти в себя.

Мы поняли: что-то случилось на пароходе. Белов открылся:

– Ссора была. С пижонами. Из-за песни. Они пели какую-то красивую чепуху. А я потребовал нашу, русскую. И даже запел. И вот они на меня. Всей стаей... Не буду об этом и говорить. Противно. Сейчас бы мне, эх, настоящей лесной тишины. Может, подскажите: где она тут?

Мы рассмеялись:

– Где же, как не в лесу!

Белов улыбнулся:

– Что мне и надо!

Сказано – сделано. Переплыв на пароме через реку, мы оказались на том берегу, где была проселочная дорога, которая нас и вывела в Красный Бор, одно из красивейших мест в окрестностях Тотьмы.

День был чудесный. Мы с Елесиным приставали к Белову, чтобы он открыл нам, как это так у него в рассказах выходит соединение того, что случается в жизни сейчас, с тем, что было в ней, и что будет.

Белов поморщился:

– У вас и вопросы... Как у литературных светил. Вы это... выбросьте лучше из головы. Когда захочешь писать – запишется само. И о том, что вчера, и о том, что потом. И без всяких соединений.

Мы даже немного смешались.

– А как же тут быть?

– Никак. Просто жить! – ответил Белов и, выбросив руку вперед, спросил, как потребовал:

– Что вы там видите?

– Сухону.

– А там? – рука Белова вскинулась вверх.

– Облака.

Опишите их состояние. По-настоящему опишите. Это и будет литература.

Право, около нас и над нами, было всё так обычно, в то же время и необычно. Большая река. А над ней? Уплывали одни облака. Приплывали другие, точь-в-точь строители, образуя на карте небес белопёрое государство. Так, наверное, и душа, сливаясь с душой, образуют счастливую территорию, где подобно всполоху над рекой, торжествует развернутое сиянье.

Уехал в Великий Устюг Белов через сутки. А мы, как и раньше с Васей Елесиным, вновь и вновь выходили к вечернему пароходу. Ждали счастливого продолжения. Как в Викулове, так и в Белове видели мы творцов огромной величины, умевших вздымать человеческий дух могуществом слова и слога. Одним словом, учились у них. И у них, и у классиков русской литературы, и у тех, кого мы искали, отправляясь в поездки по сплаву часткам, лесным поселкам и хуторкам, где всегда находили хранителей русского языка, чья богатая речь была, как книга, которую читаешь, читаешь, читаешь, зная о том, что она не закончится никогда.